

«Мы продолжаем жизнь или исчезаем бесследно?»

ИРИНА ОГАНОВА
КОГДА АНГЕЛЫ
СПУСКАЮТСЯ
НА ЗЕМЛЮ

ПИТЕР®

Ирина Оганова

**Когда ангелы
спускаются на землю**

«Питер»

2022

УДК 82-94
ББК 84(2=Р)6

Оганова И.

Когда ангелы спускаются на землю / И. Оганова — «Питер»,
2022

ISBN 978-5-00116-843-0

Ирина Оганова — писатель, автор бестселлеров «Иллюзия счастья и любви», «Мы никогда не знаем», «Часы без циферблата, или Полный энцефалект», «Падение в неизбежность» и «Иждивения изоляции, или Лето 2020, которого не было». «Когда ангелы спускаются на землю» — это искренний роман, обнажающий вечные темы неотвратимой судьбы, жизни после смерти и подлинной любви. Жизнь молодого успешного мужчины, которую, казалось бы, не может омрачить ничто, внезапно обрывается. Но путь героя на этом не заканчивается. Пока прошлое, настоящее и будущее переплетаются в безумном водовороте, мы наблюдаем за преображением души героя и, кажется, сами меняемся и получаем утешение. «Люди не исчезают бесследно, они продолжают жить в наших сердцах и мечтах о том, что когда-нибудь предстоит долгожданная встреча. Любовь — это и есть бессмертие души».

УДК 82-94
ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-00116-843-0

© Оганова И., 2022
© Питер, 2022

Ирина Оганова

Когда ангелы спускаются на землю

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Ирина Оганова, 2022

* * *

Работать редактором на дому – невыносимая скука, тем более когда сплошь обращаются недописатели, уверовавшие в своё особое предназначение сказать новое слово в современной прозе. Больше всего удивляет, с каким упорством они настаивают на присутствии здравого смысла в их далеко не совершенной писанине. Никакого толком дельного сюжета, ноль логики, написано казённым языком и, главное, после прочтения их опусов только и хочется, что развести руками или плюнуть в сердцах и так тихонько, ненавязчиво посоветовать заканчивать это дело. Ни одно мало-мальски уважающее себя издательство и в руки не возьмёт подобный шедевр, и рукопись сразу полетит в мусорную корзину. Лиле не раз приходилось выслушивать проповеди, как всё несправедливо устроено в издательствах – нужны связи, надо быть известным блогером или скандальной личностью, тогда коммерческий интерес к книге, пусть и одноразовый, обеспечен.

В отсутствие собственного таланта не верил ни один человек, самолично провозгласивший себя писателем и угробивший уйму времени на, как ему казалось, удивительную историю с забойным непредсказуемым финалом, хотя чем дело закончится, Лиля предвидела практически с первой главы, если так можно сказать, произведения. За восьмилетний стаж на данном поприще лишь однажды редактировала нечто более-менее приличное. Автор издался, правда, за свои деньги, и вроде ничего больше не написал. Может, просто к ней не обращался, но на слуху не был, если только не взял псевдоним. Смешили молодые девушки с бойкими предложениями рассказать увлекательную историю своей жизни, полную приключений и трагических моментов, а она по-быстрому сварганит им увесистый роман, ну на худой конец повесть. На то, что их история с трудом тянула на вялый заурядный рассказ, отмахивались:

– Не вы, так кто-нибудь другой напишет – кушать всем хочется.

«Каков редактор, таков и клиент», – не унывала Лиля, держала язык за зубами и как могла исправляла тексты, похожие на разбитые дороги, втайне мечтая написать свою хоть одну-единственную книгу, пусть тоненькую, но по-настоящему занимательную, а на какую тему и какой выбрать жанр, ей было всё равно, только бы не мистику и нечто совсем неправдоподобное, лучше о чистой и прекрасной любви. Почему о любви? Она знала о ней всё и ровным счётом ничего. Знала всё – потому что мечтала, ничего – так как никогда не была любима.

Сама вечно влюблялась в тех, кто никакого внимания на неё не обращал – и в школе, и в университете, и уже во взрослой жизни. Некрасивой себя Лиля не считала, скорее на любителя; иногда подсмеивалась, что на очень большого, но в целом неприязни к своей внешности не испытывала. Да, полненькая, да, ножки коротковаты, нос слишком курносый, зато щёки румяные, и на голове целая копна золотых пшеничных волос, и глаза как два ясных голубых озера. Права тихого, любила одиночество, но дружить умела, сохранила всех подружек и со всеми поддерживала отношения. У Лили присутствовало одно удивительное качество – постоянство во всём. Когда несколько лет назад родители-пенсионеры решили переехать из города на природу, долго противилась, потом вняла их уговорам и как-то незаметно быстро приспособилась к загородной жизни, где работать во сто крат приятней: ничто не отвлекает, наоборот, вдохновляет и умиряет въевшуюся под кожу городскую бесполезную и утомительную суетливость. Квартиру на Чёрной речке благополучно продали и взамен купили милый деревянный

домик в Комарово, за железной дорогой, на другой стороне от Финского залива. Дом добротный, содержался с любовью – им и переделывать ничего не пришлось.

Только отец, который никак не мог сидеть без дела, тут же затеял строительство открытой террасы для летних посиделок. Строил её старинный друг семьи, отец лишь раздавал советы и с энтузиазмом подтаскивал доски. Плотник из него был никудышный. А мама с головой ушла в садоводство. Чего только не насажала – яблонь три штуки, сливу, грушу, заросли кустов малины, чёрную и красную смородину. На посадку картошки и других овощей отец добро не дал, только разрешил организовать грядку с петрушкой и кинзой.

– А морковочку? – умоляла мама. Папа указывал ей пальцем в сторону гастронома и рядом стоящих палаток, где всё продавалось с избытком.

– Пойми, Саша, у нас участок с гулькин нос! Мне ещё баню охота. Ты своей растительностью и так всё заполонила. Скамеечку негде притулить!

– Скажешь мне тоже! Негде!!! – ворчала Александра, но, зная покладистый характер Руслана, терпеливо ждала, когда он сам расщедрится и позволит ей посадить всё, что душа пожелает, пусть хоть вдоль заборчика.

Лето стояло отличное, и уже две недели с самого утра шпарило солнце – не Питер, а курорт средиземноморский. По вечерам нет ни одного двора, где не собираются компании, и по Комарово расстилается дурман жаренного на углях мяса под сопровождение разных музыкальных вариаций, чаще из девяностых. Закаты такие багряные – дух захватывает, и ночи светлые и терпкие. В округе дома разные: есть частные разноцветные деревянные дачки и те, что сдаются внаём дачным хозяйством, как правило, на длительный срок. Съезжать никто не собирается, хоть многие дома и обветшали прилично, слишком прикипаешь к этим местам. За последнее время, словно грибы после дождя, повылезали целые усадьбы и «дворцы», как их тут называли. Разный люд – от среднего достатка до богачей, у которых участки такие большие – глазом не окинешь. Через год жизни в Комарово Лиля уже в лицо знала многих соседей и с улыбкой приветствовала их при встрече, когда шла по улочкам с железнодорожной станции, возвращаясь из города или просто прогуливаясь по посёлку... Отец не раз предлагал ей на права сдать и, когда надо, ездить на его машине. Лиля всё это не любила и была уверена, что никогда не освоит сие сложное действие, все столбы сосчитает: рассеянная, невнимательная и трусиха, каких свет не видывал.

– Тук. Тук-тук. Тук, тук, тук, – долбил дятел давно приглянувшуюся сосну.

Лилю радовал этот звук, да и сам красавец дятел, завсегдатай их участка. Вокруг террасы мама развела розариум, и над ним кружили и радостно жужжали мохнатые пчёлы.

А вот ос Лилия совсем не жаловала. Залетали в дом, ползали между рам... В прошлом году одна ни с того ни с сего набросилась на неё и больно укусила в плечо. Плечо вздулось, покраснело, онемело и ещё долго болело.

– И что за бешеная оса! – ругалась Лилия. Вместе с отцом облазали весь дом и в уголке под балкончиком на втором этаже нашли осиное «логово». Больше полосатые не докучали, ну если только какая приبلудная покажется. Отец методично изгонял кротов, мышей, улиток-слизней и коварную тлю, которая мгновенно губила здоровое дерево – листочки чернели и сворачивались в трубочку.

– Не участок, а святое место по своей чистоте! – гордился папа и чертил план заветной бани, но всё оставалось только на бумаге. Робел приступать: дело незнакомое, а звать специальных людей накладно. Мама радовалась, что отец чем-то занят. После того как ушёл на пенсию, сильно загрузил. Работал полжизни машинистом в ленинградском, впоследствии петербургском, метрополитене. Только для него он так и остался ленинградским. К новому имени города по привычке, а к названию метро не пожелал. Работа на первый взгляд монотонная и однообразная, только не дай бог об этом заикнуться, для отца это было как выходить каждый раз в открытый космос – ответственный человек, верный своему делу. Очень переживал, когда

3 апреля в 2017 году на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт» прогремел взрыв. От телевизора было не оторвать, плакал, словно в этом есть его вина, что на пенсии отсиживается, а там люди гибнут в мучениях и ничем он помочь не может.

Мама то и дело забегала на террасу, несла Лиле любимый чай с молоком и печенюшки, обмазанные вареньем. Лиля ворчала, но благосклонно принимала поднос, развалившись на старом диване, который остался от прежних хозяев и благополучно переместился с мансарды на террасу, где и зимовал, прикрытый толстым брезентом. По весне, как только вылезало солнце, его тщательно просушивали, и казалось, он ничуть не терял свой и так обшарпанный облик.

– Мам, хватит уже углеводами меня пичкать! Или ты боишься, что я, не дай бог, схудну? – смеялась Лиля и похлопывала себя по круглым бокам в полинявших древних трениках неизвестно какого периода её жизни.

– Похудеть нам обеим не помешает. Но думаю, этого никогда не случится. Порода у нас такая, доченька.

– Ну если порода заключается в поедании мучного, то, конечно, и спорить нечего!

– Можно подумать, тебя насильно кормят, – с улыбкой парировала мама Александра и, плавно качая бёдрами, отправилась на кухню, где они с отцом разделялись с огромным мешком, полным белокочанной капусты, – шинковали, квасили.

Делали они её каждый год, много – хватало всем родственникам и друзьям. А те рады-радехоньки, такой хрустящей капусты и на рынке не сыщешь. Как только солнце стало садиться, налетела мошкара, которая совсем недавно сменила комариные полчища, чей активный период наивысшей подлости подошёл к концу. По сравнению с мошкаркой комары чисто ангелы – пищат, различимы, после травли мгновенно исчезают.

Мошкара невидима, непонятно, каким образом выедает кусочки плоти, преимущественно на лице. Ранки долго не заживают, и ничего на этих монстров не действует – только ждать, когда закончится их сезон.

Лиля нехотя сползла с дивана, прихватила любимую подушку, компьютер и потопала спасаться от мошкарки в гостиную. Примостилась в большом кресле, вытянула ноги на мягком пуфике и уже приготовилась работать дальше, как накатила истома, съеденные печенюшки ласково нашёптывали Лиле, что самое время вздремнуть. Она перебралась на диван, сладко улыбнулась, причмокивая послевкусием клубничного варенья. Глаза то медленно закрывались, то бессмысленно приоткрывались. Вдруг увидела напротив себя нечто странное, но удивительное дело – ничуть не испугалась. Ещё и подумала: немудрено, такая жара на улице. Притулившись к книжному шкафу, смешно сделав ножки крестиком и прикрывая причинное место руками, стоял молодой мужчина лет сорока, абсолютно голый. Ошарашенный, он смотрел на Лилю круглыми от ужаса глазами, нечленораздельно мычал, пытаясь что-то из себя выдать.

Наконец, в куче ненужных звуков, заикаясь, произнёс:

– В-в-вы кто? Г-г-где я?

– Я-то у себя дома! А вот что вы здесь делаете в таком виде – мне абсолютно неясно. Жду разъяснений!

Лиля старалась говорить чётко и по возможности лояльно: вдруг сумасшедший! Лицо голого мужчины ей было до боли знакомо, и она лихорадочно пыталась вспомнить, где его видела.

– Меня зовут Олег...

Он крадучись, полусогнувшись, всё так же прикрываясь руками, подошёл к окну.

Ей сначала показалось, что незнакомец направляется к ней и непроизвольно вжалась всей массой в диван; диван издал какой-то странный треск, будто под ним подломились деревянные ножки. Судя по его прежнему горизонтальному положению, ей это только показалось, и на мгновение стало дико смешно и уже ни капельки не страшно.

– Всё понятно! – с горькой досадой промямлил голый человек. – Я перепутал дом. Вон там дом мамы... Видно, я туда и собирался.

«Точно не в себе!» – Лиля ещё раз внимательно оглядела мужчину и вдруг узнала. Она не раз видела, как именно в тот дом на шикарном джипе приезжал этот человек с эффектной капризной женщиной, по всей видимости, женой, и двумя детьми – девочкой и мальчиком. Мужчина, как теперь она знала, Олег, да и всё его семейство вызывало у Лили восторг и зависть. «Везёт же некоторым! Муж – симпатяга, жена – как куколка, одета, ухоженна, в придачу двое прекрасных отпрысков».

– Лилия! – громко позвала мама и тут же появилась на пороге гостиной. – Ты не видела бесцветный скотч?

Отец вечно куда-то сунет, что потом не найти... Хотим к каждой банке смешную надпись приклеить, со смыслом.

По-моему, хорошая идея! Все будут в восторге!

Лилия от неожиданности подскочила, снесла одним махом комп с коленок и заодно успела опрокинуть чашку с недопитым чаем. В этот момент Олег метался со скоростью света, пытаясь спрятаться, но, видно, не мог сообразить, как это лучше сделать, и по-идиотски застыл в позе античной статуи. Мама, не обращая внимания на обнажённую натуру Олега, ойкнула, всплеснула руками, выбежала и тут же вернулась с тряпкой.

– Какая ты растяпа, Лилия! Хорошо хоть чашка не разбилась! Это же мой любимый сервиз с пионами! Мне его дарили девчонки на пятидесятилетие. Между прочим, покупали в антикварном. Он, конечно, не такой старый, восьмидесятых годов. Но мне дорог как память!

Обычно начинался спор, что это всего лишь чашка и нельзя так по-мещански относиться к вещам... На этот раз Лилия стойчески помалкивала, поглядывая то на голого Олега, то на маму.

– Слышишь! – с придыханием прошептала Лилия, когда мама ушла дальше искать скотч. – Она тебя не увидела!

Ты для неё невидимка!

Олег с ужасом смотрел на Лилию и тёр виски.

– Не понимаю, что со мной! Помню невыносимо яркий свет, как от прожекторов на стадионе... Каких-то людей, бормочущих вокруг меня, и всё! А мне страшно и так мучительно печально... Это был сон? Ты как думаешь?

– До этого что делал? – допытывалась Лилия.

– Лёг спать! Просто лёг спать!

– Не кричи! – Лилия приложила палец к губам, предупреждая, что, как он уже смог убедиться, они не одни.

– Ты Лилия? Приятно познакомиться.

– Взаимно, – без особого энтузиазма процедила Лилия.

– Так вот! Если твоя мама меня не увидела, может, она меня и не слышит? Кто ещё есть в доме?

– Отец. А что?

– Надо проверить на нём.

– Ты спятил?! Собираешься в таком виде заявиться перед ним, чтобы его удар хватил? Сей феномен всё же сильно заинтриговал Лилию.

– Подожди, я притащу что-нибудь из отцовского.

Она окинула взглядом Олега.

– Папа по сравнению с тобой птенчик. Не знаю уж, как ты влезешь в его одежду!

– Я что, жирный?! – возмутился Олег. – Да я последнее время из зала не вылезал, каждый день тренировался! Это мышцы! Иди потрогай.

– Положим, трогать я ничего не стану. Только отец на голову ниже тебя и, естественно, без кубиков, – ехидничала Лиля и поражалась своей наглости, вот так запросто, без капли застенчивости, практически по-свойски общаться с голым мужиком приятной наружности.

Она пулей сгоняла в родительскую спальню и притащила холщовые брюки и футболку с надписью «Зенит» – команда, за которую отец болел до самозабвения. Если по телевизору шёл матч, прямая трансляция из Петербурга, а он по какой-то причине не попадал на стадион, в доме всю игру стояли невыносимые вопли. Мало того, он просил, вернее требовал, чтобы дочь и жена сидели рядом и смотрели вместе с ним, ему необходимы соратники, то есть болельщики любимой команды. Лиля с мамой Александрой каждый раз чуть ли не молились за победу «Зенита», иначе отец будет дня три ходить смурной, доставать их разбором игры, ворчать, возмущаться и даже плохо спать.

– Это точно отца? – настороженно спросил Олег, с недоверием разглядывая вещи.

– А чьё ещё?!

– Может, твоего дедушки?.. – Олег вопросительно взглянул на Лилю, не решаясь дальше продолжить свою мысль. Лиля расхохоталась на всю комнату, тут же заглохла, испуганно взглянув на дверь. Хоть дверь была и прикрыта, но слышимость в доме отличная, и не исключена вероятность, что сейчас прибежит мама, во всяком случае, это было абсолютно в её репертуаре.

– Не переживай! Суеверный? Покойников боишься? – хихикнула Лиля. Незванный гость виделся ей таким беспомощным в своей нелепой наготе и явно требовал участия. «Мало ли что с человеком приключилось...»

– Одевайся! Ой, а трусы?

– Обойдусь! – Олег прикрывался одной рукой, другой попытался забрать у Лили холщовые портки, но они выскользнули и упали на пол. Несколько попыток поднять их с пола не увенчались успехом, они даже не шелохнулись и ни на миллиметр не поменяли своё местоположение. Его внезапно осенило, что он ничуть не почувствовал ткань штанов, которая выглядела достаточно плотной и шершавой. Олегу стало не до стеснения, и он заносился по гостиной, как идиот, дотрагиваясь до всего, что попадалось на пути.

– У меня пропала тактильная чувствительность! Я не различаю запахи!!! Вернее, они исчезли! – заорал Олег не своим голосом, срываясь на фальцет. – Я могу только слышать и видеть!!! Господи, что со мной?!

Лиля бегала за Олегом, требуя прекратить истерику, но никакие уговоры на него не действовали. Сейчас он точно походил на психически нездорового человека и двигался с такой непостижимой скоростью, что порой исчезал из её поля зрения. От напряжения у Лили разболелась голова. «Чертовщина какая-то! Да что это вообще такое?!» Наконец Олег застыл, на этот раз в позе поникшего Пьеро. Лиля подскочила, ткнула в него злосчастными портками с зенитовской футболкой, и её рука без сопротивления прошла насквозь. Они оба с ужасом смотрели на сие происшествие, потеряв дар речи и способность мыслить логически. Немного придя в себя, не сговариваясь, присели на диван. Диван опять издал протяжный стон, но Олег тут явно был ни при чём, под ним не образовалось привычной вмятины, точно он парил в невесомости.

– Приехали! Я что, дух? Ущипни меня. Хочу, чтобы этот страшный сон поскорее закончился.

– За что тебя щипать?! Ты всё равно ничего не чувствуешь!

Лиля пыталась показать ему наглядно, что дело это безнадёжное, щипала и щипала несчастного Олега или то, что называлось Олегом, но в действительности таковым по всем признакам не являлось.

– Я, наверно, умер?.. Ну нет, не может быть! С какой стати?! Если бы я умер, как бы я оказался здесь! Ты же меня видишь, слышишь!

– Не знаю... Тебе надо сходить к маме... – прошептала Лиля и окончательно сникла. Она не очень была знакома с жизнью после смерти, и лезть в инет при «живом»

Олеге было как-то неловко.

– Я тебя прошу, только не оставляй меня! – взмолился Олег. – Сходи со мной. Очень боюсь! Жутко боюсь!

– Как ты себе это представляешь?! Да я её не знаю, никогда не общалась, словом не перекинулась! Мне самой сейчас в пору себя щипать. Тебя, как я понимаю, просить бесполезно.

– Ты подождёшь меня у ворот. Я сам зайду в дом.

Ну что тебе стоит? Неужели не видишь, что я сломлен, раздавлен...

– Ты с кем там разговариваешь? – спросила голова мамы, смешно показавшаяся в про свете двери.

– Ни с кем! Текст проговариваю...

– А что такая напуганная?

– Так ты меня и напугала! – не растерялась Лиля. – Не мешай!

– А-а-а-а... – сказала голова мамы с улыбкой и тут же исчезла.

– Пошли! – скомандовала Лиля. – Переодеваться не буду, и так сойдёт.

Не успела Лиля сделать и шага, как Олег куда-то исчез, словно растворился. Как болванчик поворачивая голову в разные стороны, она увидела в окне Олега, он улыбался и махал ей рукой из сада.

– Идиот! – выругалась Лиля, и, как по волшебству, Олег благополучно опять оказался рядом.

– Ничего себе, какие штучки я умею выкидывать! – Он радовался, как мальчишка, и весело подмигивал Лиле.

– Я так понимаю, мне стоит только захотеть, и я могу телепортироваться в любую точку! Блин, я был уверен, что такое возможно только в кино. Подожди, ещё куда-нибудь смотаюсь...

– Стоять! – Лиля поняла, что с ним надо построже, коли он с трудом владеет собой и вытворяет подобные фокусы. – Сначала к маме!

Олег при упоминание своей матери погрузился и тяжело вздохнул.

– Сейчас пройдем мимо кухни. Отец там. Я первая. Ты следом.

– Мы прямо как заговорщики!

– Это же ты хотел проверить реакцию папы.

Лиля спокойно, как ни в чём не бывало шла по коридору и, дойдя до кухни, увидела отца – тот всё ещё возился с оставшимися кочанами капусты.

– Лилечка, ты куда направилась? А мы тут с матерью хозяйничаем... Она отлучилась чего-то там сорвать со своей грядки. Ты надолго?

– Да нет, пап... Пройдусь немного и вернусь...

Она притаилась в прихожей в конце коридора и подала знак Олегу. Тот мелкими шажками, словно по минному полю, преодолел дистанцию, вдруг развернулся и уже посмелей пошёл назад и наконец опять направился к Лиле, браво маршируя и громко напевая:

– У солдата выходной: пуговицы в ряд. Ярче солнечного дня золотом горят. Часовые – на посту, в городе – весна...

Лиля от ужаса схватилась за голову и ждала, что вот-вот, очумевший от увиденного, выскочит отец.

– Ты спятил окончательно?!

– Он меня не видит и не слышит, как и твоя мама, – спокойно сказал Олег и подошёл к зеркалу. – Мать честная! У меня и отражения нет!

Лиля по инерции встала рядом.

– Видишь, Лилечка, у тебя есть, а у меня ни фи́га...

– Это ещё ничего не значит! Не надо раньше времени отчаиваться. Всё это, конечно, более чем странно...

Может, мы столкнулись с необъяснимым, чего не дано понять! – подбадривала Олега Лиля, но у самой уже закрадывались мрачные мыслишки.

Поначалу, оказавшись на улице Цветочной, где он знал каждую рытвину и ямку в наскоро положенном асфальте, который латали каждый год, испытал жуткую неловкость и всё время норовил спрятаться за Лилю.

Никто из прохожих не обращал на него никакого внимания, и он, немного успокоившись, понуро брёл рядом, иногда, как бездомная собака, с подобострастием поглядывая на свою благодетельницу.

– Ты как в 3D-изображении или в 4D. Необычно выглядишь. Как в анимации.

– Я – мультик! Прикольно... – улыбнулся Олег улыбкой сатира из античного греческого театра.

– Жарко! – Лилия стёрла со лба капельки пота. – Духота! Хоть бы гроза прошла!

– Мне всё равно. Я ни хрена не чувствую и вряд ли потею.

– Вообще-вообще ничего?

Они уже почти подошли к дому его матери, и Лилия преднамеренно остановилась чуть поодаль. От Олега исходила какая-то неведомая вибрация. Лилия ощущала нечто подобное в доме, когда проходил мимо станции Комарово товарный поезд.

– Я когда осознал, что потерял осязание, и не улавливал на ощупь ни одну поверхность, вдруг понял, что могу этим управлять. Всё осталось в моём сознании, в голове. Поэтому я прекрасно представляю, как ты, например, сейчас приятно томишься и словно таешь под жарким солнцем. Нет ни одного дуновения ветерка, сосны ведь стоят как вкопанные. Видишь, как просто.

Логика включается! Жутко расстроился, не чувствуя запахов. Ан нет! Они стали гораздо отчётливей. Особо сильный дурман сейчас от хвойных. Не знал никогда, что он такой резкий. Всё в голове! Несомненно там!

Лилия легонько ткнула его пальцем в лоб, и её палец провалился.

– У тебя там ничего нет! Как же ты ухитряешься думать?!

Ты полый!

– Полый? Однажды я покупал жене подарок, браслет в Cartier. Продавец попросил положить браслет на ладонь и отметить его лёгкость. Он был полый внутри.

Полый – значит пустой. Я пустой! Ты понимаешь, как страшно звучит это слово?!

Ворота дома скрипнули, начали медленно откатываться в одну сторону, и выполз серебристый спортивный мерседес, за рулём которого сидел мужчина в чёрной футболке. Он хмурил брови, недовольно о чём-то разговаривал сам с собой, потом резко повернул руль налево, дал по газам, вскоре чуть притормозил машину, и она начала медленно удаляться, а Лилия с Олегом молча провожали её взглядом.

– Пашка! – чуть не плача воскликнул Олег. – Он посмотрел на нас! Ты заметила? Не признал! А мы такие кореша с самой юности! Чего только не творили. Борзые были, жуть! Пашка особенно. Крутой чувак! Блин, как мне не по себе... Прямо выворачивает наизнанку...

Ладно... Пошёл...

– Подожди, я позвоню в калитку.

– Спасибо, очень мило с твоей стороны. Но я уж сам... – Олег скривился в улыбке и растворился.

На другой стороне дороги, через канавку, среди кустарника притулился пенёк от свежеспиленного дерева.

Лилия махом перепрыгнула небольшой ручей и присела на пенёк, с досадой вспомнив, что забыла телефон.

«Сколько, интересно, его ждать? Уйти нельзя – обидится. И в телефоне даже не покопаться!»

На стоящую рядом берёзу прилетела ворона, уселась на ветку, как раз над Либиной головой, следом вторая, помельче. Сначала они с любопытством поглядывали на неё сверху вниз, потом начали каркать, точно затеяли спор и ни одна не желала уступать. Каркали они так пронзительно и громко, что Лиле захотелось поскорее избавиться от назойливых птиц. Не найдя ничего подходящего, кроме сухих веток, которые вряд ли спасут ситуацию, она заткнула уши руками и начала напевать всё, что приходило на ум. Время тянулось медленно, и Лилия теряла терпение – хоть иди в этот дом и поторопи Олега. Вспомнив, что сейчас решается его судьба и он наконец-то получит ответы на жизненно важные вопросы, остыла. «Вдруг он встретил там настоящего Олега, а он лишь его проекция? Ну и глупости мне лезут в голову! Видно, и у меня образовалась полость вместо мозгов!» Вскоре её посетила другая мысль, не менее бредовая: а что, если все эти необъяснимые явления происходят с ней, а не с Олегом?! Подобная версия в целом не поддавалась осмыслению, и она решила, что лучший вариант – просто сидеть и ждать.

Вороны иногда замолкали, но продолжали следить за каждым её движением, пока вновь не срывались на своё противное «кар-р-р-кар-р-р-кар-р-р-р». Лилия попробовала их передразнить и слишком увлеклась этим занятием, ничего не замечая вокруг. Именно в этот момент её самозабвенного карканья проходила женщина с маленьким ребёнком за руку и катила перед собой сидячую коляску.

Увидев Лилию, она тут же подхватила малыша на руки и что было мочи припустила по улице, подальше от неадекватной гражданки в кустах. Это было очень смешно, и Лилия, заливаясь смехом, весело подмигнула притихшим воронам. Стоило появиться Олегу, ворон точно ветром сдуло. Не издав ни одного «кар-р-р-р», они очумело замахали крыльями и разлетелись в разные стороны. Олег был необычно бледный, но не так, как бледнеют люди.

Он был весь белый, словно вырезанный из листа детского альбома по рисованию.

– Что случилось?!

Он молчал, не зная, с чего начать, и Лилия терпеливо, но с волнением ждала, что же он сейчас ей поведаёт. Постепенно к Олегу стали возвращаться прежние краски, в белом варианте он выглядел зловеще и своим видом прилично напугал Лилию, и она уже была готова поверить в то, что Олег есть самое настоящее привидение.

На его лице одна за другой сменялись гримасы горя и страдания. Вдруг у него затряслись плечи, и он разрыдался. Огромные слёзы, не успев показаться, тут же куда-то исчезали, не оставляя ни одного следа на щеках.

«Господи, как пожалеть его?! Невозможно ни приобнять, ни погладить по головке, ни взять за руку!!!» Её сердце раскалывалось, сжималось от жалости и собственного бессилия.

– Я умер! Взял и так запросто умер во сне! И это в сорок два года! Сердце! Какое, к чёрту, сердце, сроду не жаловался.

Олег всхлипывал, как маленький мальчик, и всё время нервно теребил волосы.

– Бедная мама... На ней лица нет... Но держитесь... Это, наверно, шок. Пипец ситуация! Все зеркала завешены...

Родственники бродят взад-вперёд... Вера очень удручена. Она, наверно, думает, как ей теперь жить дальше... Вера – это моя жена. Она такая красивая сегодня...

Никогда не видел, чтобы она носила чёрный цвет! А он ей к лицу... Дети у её матери. Мне их не хватает!!! Не могу пока видеть, не выдержу такого испытания... Чуть позже...

Олег опять разрыдался, но вскоре притих. Сказать ему Лиле было нечего, она стояла рядом, сопереживая всей душой.

– Верочке и детям не придётся ни в чём нуждаться!

Хоть это утешает... Как я без них теперь?! Они-то привыкнут, что меня нет. А я?!

– Не знаю... Только я где-то слышала, что первые три дня душа как бы оплакивает утрату своего тела и находится рядом с ним. Если я не ошибаюсь, конечно.

А ты...

– Это кто сказал?! – язвительно ухмыльнулся Олег. – Покойник поведал? Мне вот не очень хочется рядом... ну с этим... находиться.

– Где оно сейчас?

– Тьфу! Не напоминай даже где! Слово это не произноси! Мне ещё свои похороны послезавтра пережить!

Может, не ходить?

– А так можно?

– Что, меня насильно кто-то потащит?

– Как-то неправильно не пойти... Ой! Страшно-то как!!!

– То-то и оно! Если ты не пойдёшь со мной, я умру там от ужаса!

– Ты уже умер, вот в чём задача.

– Шутишь? Подкальываешь? Хочу огорчить. У тебя всё это ещё впереди. Так что набирайся опыта. Кстати, тебя не сильно смущает мой вид? Нестандартно, конечно, но я уже привык и даже не стесняюсь. Вполне естественно... Я бы даже сказал комфортно. И что люди не ходят гольшом?

– Особенно зимой, – хихикнула Лиля. – Не сравнивай себя с нормальными людьми. Ты – это особый случай.

Ошибка мироздания. В Бога веришь?

– Пока не разуверился. Посмотрим, что дальше будет. Но ангелы ещё не посещали. Подождём! Тоскливо мне.

Стольких радостей лишился в одно мгновение! Полный пипец, если не сказать покрепче.

– Ты у мамы один был?

– Нет, слава богу. Ещё сестра младшая. На семь лет моложе. Она в Америке училась, там и осталась. Замужем. Детей нет.

– Почему?

– Хрен знает. У них карьера превыше всего. Американцы со своими прибабахами. Они и жить-то нормально после пенсии начинают, а так вкальывают как ломовые лошади.

Пару раз в год съездят отдохнуть – и опять в упряжку.

– У нас ни разу не съездят и пашут за сущие гроши.

А отец твой где? Ты всё мама, мама...

– Развелись три года назад. Я никогда бы не подумал, что он сможет мать бросить. Не поверишь, жили душа в душу. И вдруг бац – «Извини, люблю другую!» Мы с сестрой не хотели после этого с ним общаться. Мать просила понять, простить. Мне пофиг – простил. Особо встречаться с ним не стремлюсь. Завтра со своей бабой прилетают из Италии. Видите ли, его мадам устала, к морю потянуло. Только месяц назад была, опять, видно, притомилась. Хитрая! На лбу написано. Сейчас на меня, поди, гонит, что сорвал их планы.

– Молодая?

– Младше моей сестры. Тридцать где-то... Лиль?

– Что?

– Давай в город мотнёмся. Казанский, канал Грибоедова, Дворцовая площадь...

– Это тебе мотнуться – раз плюнуть, а мне ещё туда добраться надо!

– Такси возьмём.

– Не-е-е-е! Дорого. Я на электричке езжу.

– Предложил бы оплатить, но в нынешней ситуации стеснён в средствах. – Олег наконец заулыбался собственной шутке. – Девушку не могу на кофе пригласить, не говоря уже об ужине в ресторане! Мрак! Ладно, попрусь с тобой на электричке.

Лиля рассмеялась.

– Хотела у тебя попросить мобильник, домой позвонить, предупредить, что задержусь.

Г-г-г-г-г! Умора, да?

– Не вижу ничего смешного. Кстати, мне билет на электричку покупать не надо. Я попал в коммунизм, о котором грезило всё население Советского Союза. А как просто, оказывается. Помер – вот и сбылась мечта миллионов.

– Точно! Деньги! Придётся всё равно домой заходить.

И что я скажу? Куда вдруг?

– Правду! – улыбнулся Олег.

– Иди ты! – Лиля натянула повыше любимые трусики, которые вечно сползали, и казалось, она их вот-вот потеряет.

– Заодно переоденусь. Неприлично в таком виде по центру города дефилировать.

– По мне, так нормально... – Олег оглядел Лилю с ног до головы и, чтобы не заржать, отвернулся.

– Да! Я не придаю особого значения одежде и за модой не гонюсь! Тебе, наверно, этого не понять. Ты, поди, в других кругах вращался.

– Я теперь вообще не придаю ей никакого значения, как можно заметить. Ну не дуйся! Сейчас щёки лопнут.

– Что-то у тебя быстро меняется настроение. Недавно безутешно плакал, теперь ржёшь...

– Сам удивляюсь. Странно! Обычно тяжело переносил любую мало-мальски серьёзную проблему. Сейчас как реле поставили. Оно само регулирует перенастройку отношения к происходящему. Я скоро стану пофигистом или дурилкой. На всё буду блаженно улыбаться, всех любить, всему радоваться. Превращаюсь постепенно в болвана.

– Не постепенно. Я бы сказала, стремительно, – пошутила Лиля, но Олег не улыбнулся, а, наоборот, погрузился, и вибрация от него стала настолько сильной, что у неё закружилась голова, как бывает, когда утром после сна резко встаёшь с кровати. Ещё от него исходило тепло. Это было другое тепло, особое, и воспринималось оно не кожей, а тем, что находилось глубоко внутри неё.

Подобное в очередной раз не поддавалось объяснению, как и всё, связанное с Олегом.

– Ты иди собирайся, а я по саду поброжу. Участочек у вас крохотный, но красивый, – отметил Олег и направился к маминой грядке, где она, присев на корточки, с упоением выдёргивала сорняки.

– Пап, я в город. Сразу отвечаю – надо! Важная встреча!

– Это как же ты о ней вдруг узнала?! Телефон твой вроде на диване валяется... У тебя особая связь с важными людьми?

Отец хитро глянул на Лилю и понимающе кивнул головой.

– На свиданку собралась? Так бы сразу и сказала. А то «важная встреча»!

Тратить время на возражения Лиля не стала, по-быстрому сбегала в душ, переоделась в джинсы и объёмную белую футболку размера XL. Покупала она их в мужских отделах, и они наилучшим образом скрывали её полноту – поди разбери, что под таким парашютом. На фоне стройного Олега выглядела Лиля этакой бомбочкой, и у неё промелькнула лихая мыслишка, что не мешало бы скинуть килограммов десять; непонятно, на сколько он здесь задержится, и выглядеть захотелось получше.

В кошельке оставались последние десять тысяч рублей по пятёрке и мелочь. В обычной жизни приличная сумма, чтобы спокойно прожить две недели до следующего заказа. Если у Олега возникнут какие-то нестандартные пожелания, она, вероятней всего, отказать не сможет и сожалеть о непредвиденных тратах точно не станет.

Во-первых, ей дико интересно участвовать в подобной аванюре, а во-вторых, Олег ей нравился, чисто по-человечески, по-земному.

В электричку на Петербург до Финляндского вокзала набилось народу видимо-невидимо, и Лиля с усилием пропихивалась к середине вагона, что совсем не составило труда Олегу, для которого в этом мире больше не существовало преград.

– Вот где стопроцентная духота и, поди, ещё запах потных тел. Не знаю, как тебе, но у меня даже в носу засвербело.

– Мне нормально! – пыхтела как паровоз Лиля и с надеждой выглядывала местечко: куда бы присесть.

Когда подъезжали к станции «Песочная», пожилая женщина, сидящая у окна, засуетилась, подбирая стоящие рядом увесистые авоськи, тяжело привстала и чуть не потеряла равновесие. Но её тут же подхватила Лиля и, совершив невероятный изгиб позвоночника, ловко плюхнулась на её место. Радости не было предела! Усевшись поудобней, вытянула ноги, насколько было возможно, чтобы никого не пихнуть, и блаженно откинулась на деревянную спинку сиденья. Рядом с ней сидел тощий мужик с редкими прямыми волосёнками, они взмокли и были похожи на крысиные хвостики. Своими тоненькими пальчиками он держал помятую газету и с брезгливым лицом читал какую-то статейку.

А вот напротив – абсолютно другой типаж: толстый и, по всему, восторженный человек. Он с интересом неотрывно вглядывался в проплывающие картинки летних пейзажей и благостно улыбался. Не успела Лиля и глазом моргнуть, как Олег примостился на коленках добродушного попутчика и тоже стал следить за дорогой. Лиля лишилась дара речи от такой неслыханной наглости, а Олег, закатив глаза, с придыханием принялся вслух выражать свои восторги.

– Какая красота вокруг! Какая красота!!! Сколько раз по этой дороге на машине гнал... Понимал, что красиво, сердце радовалась. А сейчас просто ликует, словно увидел впервые. Что-то я в горы захотел. Ещё не решил куда.

Может, Французские Альпы? Я быстро, ты не скучай.

– Сиди! – тихо буркнула Лиля, но Олега уже и след простыл.

Тощий мужик приподнял очки, сделал ещё более противное выражение лица и посмотрел на Лилю. Она отвернулась, сложила ручки на коленках и постаралась отодвинуться от него подальше, но это было невозможно, с другой стороны рядом с ним сидела реально полная женщина, не бомбочка, как называла себя ласково Лиля, а целая ядерная бомба. «Повезло, в правильную компанию попал, куда ни глянь – центнер! Может, от этого такие недовольные морды корчит? Доходяга!»

Поезд подъезжал к конечной станции, Олега всё ещё не было, и Лиля разнервничалась, точно лишилась чего-то слишком важного и необходимого. От мысли, что он больше никогда не вернётся, стало грустно: так всё здорово начиналось, и на тебе! Медленно брела по перрону, ничего не замечая вокруг. Рядом в разных направлениях сновали люди: кто уезжал за город, другие, как и она, приехали в Петербург, только они знали зачем, а Лиля нет. Дойдя до скверика с фонтаном, выбрала тенистую скамейку, присела и чуть не расплакалась. Посидела, погоревала и решила, что, если отправится в обратный путь, совсем расклеится, лучше побродить по солнечному летнему городу, привести свои мысли в порядок и выкинуть из головы всё, что с ней приключилось. Жара спадала, и неожиданно подул ветер. «Будет гроза! По прогнозу не обещали, но точно будет! Сколько раз зарекалась: «Бери, Лиля, зонтик! Бери!»» Ветер становился сильнее, он развеивал и путал волосы, они лезли в глаза, в рот вместе с поднявшейся городской пылью. Порывшись в маленькой сумочке и не найдя заколки, как могла заплела тугую косу, решительно встала и зашагала на остановку маршрутки.

– И куда это вы так спешите?

Лиля услышала знакомый голос и обернулась.

– Ну и где ты был?! Так не делается!!!

– Скучала? – рассмеялся Олег.

– Нет! – огрызнулась Лиля. Ветер разметал её косу и опять устроил беспорядок, у Олега не шелохнулся ни один волосок.

– Во ветрюга! Уже и тучки показались. Может, раздует?

– По закону подлости вряд ли! Пошли! – опять включила командира Лиля и грозно взглянула на Олега.

– Куда?

– На маршрутку.

– Давай вызовем такси. Самое дешёвое, пусть хоть развалюху! Я больше не готов к общественному транспорту! Иначе опять свалю. Всё-таки какая прелесть Альпы! Я сейчас был со стороны Швейцарии. Сидишь себе на самой вершине, а круго-о-ом... Нет, это словами не описать.

– Ещё раз без разрешения пропадёшь, не буду с тобой разговаривать.

– Долго?

Он намеренно делал жалостливые глаза, милейшим образом улыбался, и это никого не смогло бы оставить равнодушным, тем более Лилю с врождённой отходчивостью, которая порой её раздражала. «Нельзя быть таким мякишем!» – часто поучала себя Лиля, но против натуры не попрёшь, какая уродилась. Она залезла в телефон и вызвала машину до Дворцовой площади.

– 250 рублей. Вполне приемлемо. Только если ездить каждый день туда за 250 и обратно – уже 500. В неделю 3500, а в месяц – 15 тысяч. Ого! Так никаких денег не хватит...

– Что ты там высчитываешь? Счетовод! Каких-то 15 тысяч! Не смеди меня, – хохотал Олег, чем очень разозлил Лилю.

– У тебя на сегодняшний день и рубля нет! Зазнайка!

Ничего, видно, в людях не меняется ни в этой жизни, ни в другой.

– Это ты зря! Я же ясно сказал, мне ничего не надо – не ем, не пью... А то, что ты не можешь передвигаться с моей скоростью, вроде бы не моя проблема. Получается, это я страдаю, а не ты.

– Не сильно ты и страдаешь!

– Как сказать.

– Не хочешь – не общайся! Тебя никто не держит! – смело парировала Лиля и испугалась, как он отреагирует на её слова.

– В том-то и дело, что держит.

– Что?

– Не что, а кто. Ты!

– Я-я-я-я? Каким образом?

– Не знаю! Хорошо мне. Уютно, что ли. И кажется, именно поэтому я оказался у тебя. Будто кто-то специально меня к тебе направил.

– Да, и по волшебному стечению обстоятельств моя дача оказалась неподалёку от дома твоей матери.

– Почему нет? Может, вы и приобрели её, как ты говорила, пять лет назад не по своей воле, а так было решено. – Олег многозначительно посмотрел в небо и развёл руками. – Интересная мысль, кстати. Не находишь? Есть, есть в ней рациональное зерно! Есть!

– Да уж! Твоя полость ещё не то придумает. Герберт Уэллс!

Машина пришла на редкость выдавая виды, особенно досталось обивке, но Олег стоически помалкивал, лишь по лицу было заметно, что недоволен и с трудом воздерживается от комментариев. Водитель, к счастью, попался немногословный и не дал ему не единого повода встрять в разговор.

– А ветер-то разогнал тучи! Что я говорил? Представляешь, если в добавок ко всему я способен угадывать будущее! – Олег сильно зажмурился, сосредоточился, но, видно, не сработало, и он разочарованно открыл глаза.

– Неа. Чую, позже придёт.

– Третий глаз откроется? – засмеялась Лиля.

– Какой глаз? – встрепенулся водила.

– Это я не вам, извините...

– А кому?

– Если бы он только знал кому! – веселился Олег.

Она промолчала и оставила удивлённого мужика без ответа, правда, тот не настаивал, но подозрительно взглянул на неё в зеркало заднего вида.

– Я вас на Мойке высажу, рядом с Певческим мостом.

Не против? Там пару шагов до Дворцовой.

– Я местная! – с гордостью заметила Лиля.

Когда рассчитывалась, окликнула Олега:

– Выходи давай!

Водитель резко обернулся, глянул, что делается у него за спиной, никого лишнего не заметил, только на всякий случай тоже вышел из машины и плюхнулся в неё, когда Лиля уже вышагивала к площади вместе с Олегом, о существовании которого он не знал и никогда не узнает.

– Смешно, если я его однажды встречу. Ну ты понимаешь... И скажу: «Мужик, помнишь, как ты вёз девушку, которая разговаривала сама с собой? Дружище, так это она была со мной!»

– Ну конечно! Теперь он только и станет что вспоминать меня. Больше ему делать нечего! Между прочим, когда я одна, часто этим грешу. Народ поглядывает, но сильно как-то не удивляется, обычное дело, невротиков кругом полным-полно.

– Тогда почему он так сильно повёлся? – не уступал Олег.

– Сам бы и спросил.

– Через тебя? Его бы точно удар хватил.

– Я-то держусь. И в обморок не упала, когда увидела тебя в чём мама родила.

– Ты другое дело. У нас есть связь. Мы о ней не знали, но она всегда присутствовала между нами.

– Не носи чушь! Сколько раз видела тебя у дома твоей матери, ничего у меня не дрогнуло, – врала себе Лиля.

Дрогнуло, ещё как дрогнуло!

– Всему своё время! Долго я тебе одно и то же талдычить буду? – сказал Олег и растворился.

Тут терпение окончательно покинуло Лилю, она со всей силы топнула ногой и впервые выругалась по матушке.

Может, и не впервые, но материться не любила и при редактировании уговаривала авторов избегать подобных выражений. «Всё! Пусть катится, откуда пришёл! Надоело!»

По Дворцовой лихо накатывала круги молодёжь на роликах, туристы прогуливались и фотографировались на фоне Зимнего дворца в обнимку с Петром Первым и Екатериной Великой. Ряженые исторические личности, как всегда, назойливо приставали к каждому проходящему, пытались остановить и Лилю, но она отворачивалась и делала вид, что не замечает их.

Мимо процокала белая лошадка, запряжённая в небольшую бутафорскую карету для желающих по-настоящему прочувствовать дух великого имперского города. До захода солнца ещё было далеко, но небо медленно меняло оттенки и кое-где появлялись бледно-розовые мазки, всё говорило о том, что закат предстоит волнующе прекрасный. Лиля стояла, задрала голову, и её взгляд невольно упал на самую верхушку Александрійского столпа, где, сколько

себя помнила, парил ангел с крестом. Она навела на него камеру телефона и увеличила картинку. У самого подножия ангела кто-то стоял. Без сомнений, это мог быть только он, Олег. «Символично!» – подумала Лиля, понаблюдала за его передвижениями ещё несколько минут и двинула в сторону арки Главного штаба, уверенная, что Олег не заставит себя долго ждать: «У него нет альтернативы – я или никто!»

– И куда ты направляешься? – как ни в чём не бывало спросил Олег. Он стоял прямо перед Лилей и застенчиво лыбился.

– Ровно туда, куда ты просился – канал Грибоедова...

Казанский... – передразнила Лиля Олега, пытаясь поймать его интонации. У неё всегда присутствовал дар пародировать, особо хорошо получалась мама, и отец часто просил: «Ну покажи, покажи, как мать на меня ругается!» Мама никогда особо ни на кого не ругалась, но отцу было очень приятно называть это именно так и потом долго смеяться, как здорово у Лили получается, точь-в-точь, не отличишь.

– Красиво наверху? Весь город, наверно, как на ладони.

– Очень красиво, но мне не до этого. Я думал.

– О чём? Тосковал по близким?

– Не то чтобы тосковал... Это другое. Им, наверно, труднее, чем мне. Не могут смириться с утратой... У меня же появляется чёткое осознание невозвратимости. В людях заложены надежда, глубокое сожаление и непринятие того, что случилось не по их воле и помыслам. Живым невыносимо переживать несчастья.

Они вышли на Невский и повернули в сторону канала Грибоедова.

– Если быть откровенным, у меня остался страх перед неопределённостью моего положения. Я не представляю, что будет дальше, и это меня тревожит.

Никогда не приходилось так отчётливо испытывать подобное. Словно стою у какой-то черты и жду. Только чего жду?

Спорить на тему, которая была слишком далека от неё и покрыта сакральной тайной, не имело смысла – не в её правилах. «Как всё-таки хорошо жить!» Лиля вздохнула и грустно улыбнулась.

– В собор зайдём? Нет, уже не получится. Опоздали, закрылся!

– Ничего страшного. Я к Богу на приём ещё успею. Знать бы только, когда это свершится.

– Грехов много?

– А у кого их нет? Кстати, у тебя есть инста?

– Есть.

– Открывай! Набери в поиске «Luisapetroff». После «л» не «у», а английская «ю» и «с» как доллар. Да, да и две «ф» на конце.

Лента открылась, и Лиля увидела молоденького блондинистого пупса с капризно надутыми губками, по всей видимости, названного при рождении Луизой. Имя как нельзя лучше подходило этой миловидной миниатюрной девушке с большими карими глазами, обрамлёнными щёткой густых ресниц. «Крашенная! Не натуральная блондинка!» – сей вывод сильно порадовал Лилю, и она, как коршун, листала её фотки, разглядывая новый персонаж их истории.

– Кто это? – сухо спросила Лиля.

– Моя любовница, – спокойно ответил Олег. – Нажми на сториз. Она отмечает в инсте каждый свой шаг. Так...

Это мы проснулись... Намазались кремом... Вышли и сделали селфи... Бокал шампанского в бутике «Бабочка»... Ну как же без этого. Вот! Пятнадцать минут назад. И где это она? Всё ясно – сидит с подружками в «Европе», на втором этаже. Идём туда.

– Никуда я не пойду. Тебе надо, ты и иди!

– С тобой хочу! Не спорь! Просто любопытно, как она проводит первый день, когда я имел неосторожность преставиться. Тьфу! Отойти в мир иной. Тоже не точно, я же пока здесь. Короче! Хочу, и всё!

Олег ускорился, то и дело оказывался слишком далеко от Лили, и ему приходилось останавливаться и с нетерпением ждать её. В кафе «Мезонин» гранд-отеля «Европа» царила обстановка тишины и покоя, заняты всего пара столиков, и девушка за арфой исполняла заунывную композицию.

– Зачем ты меня притащил сюда? – ворчала Лиля, представляя, какие здесь цены.

– Спокойно, не мельтеши. Двигаемся вон к тому столику. Да не к этому, а к тому, что рядом с девчонками!

Видишь?

– Вижу! – сквозь зубы процедила Лиля. – И что дальше?

– Ничего, сядешь, а я напротив.

– Если бы ты только видел всё со стороны! Голый человек преспокойно прогуливается по дорожному отелю и сейчас ещё намеревается занять место практически в центре кафе.

Не успели они присесть, как подбежала официантка в чёрном ладненьком костюмчике и протянула Лиле меню.

– Сразу что-нибудь из напитков закажете?

Олег, вальяжно развалившись, скрестив руки на груди, с хитрой улыбочкой поглядывал на девушек за соседним столом, на секунду отвлёкся и порекомендовал Лиле взять бокал красного или шампанского. Она вытаращила глаза, увидев цены, и отрицательно мотнула головой. Официантка пыталась поймать взгляд Лили и определить, куда это она всё время так настойчиво смотрит.

– Возьми, пожалуйста! Я хоть со стороны покайфую!

– Принесите апероль. А есть я не буду. Может, пирожное попозже.

– Фу, какая гадость! Ну и вкус у тебя!

– Мне нравится! – прошипела Лиля, глядя мимо Олега, желая создать впечатление, что она одна, а не в компании голого неврастеника.

– Смотри-ка, все в сборе! А моя-то! Глаза красные. Ревела, поди, весь день. Пашка сообщил, больше некому.

Девушки о чём-то оживлённо болтали, старались потише, но иногда до Лили с Олегом долетали отдельные ничего не значащие фразы. Вдруг пупсик Луиза, Лиля её сразу определила, начала тихонько всхлипывать, а вскоре и вовсе разрыдалась. Две подружки принялись её успокаивать, а третья хранила недовольное каменное лицо, не проявляя ни капли сострадания.

– Ну как он мог взять и так не вовремя умереть! Какая несправедливость! Я уже в «Галерее 4б» и мебель в новую квартиру подобрала. – Чем дольше она перечисляла, что собиралась приобрести в мебельном салоне, тем громче становился её рёв. – Сволочь! Ну чистая сволочь!

Олег аж присвистнул.

– Ничего себе! Не ожидал такого оборота.

– Ты что, ей квартиру обещал купить? – ехидно улыбаясь, спросила Лиля, с наслаждением потягивая через трубочку апероль со льдом.

– Да. На Крестовском. На днях должна была состояться сделка.

– Хорошая девочка Луиза! Тебе, однако, подвезло, греховодник.

– Вон ту, самую несимпатичную, что молчит и не подоброму поглядывает на Луизу, я, честно говоря, не очень жаловал. Считал мерзкой и завистливой. А оказывается, в ней одной есть что-то от человека, и она мне явно сочувствует. Эх, выпить до чего же охота!

– Так ты сходи к бару. Смотрю, выбор у них большой.

С твоим-то воображением разве это проблема?! – Лиля забылась и громко рассмеялась. – Ой, по-моему, они уже косо поглядывают на наш столик.

- Да и плевать на них! Допивай и пошли. Нам здесь делать больше нечего!
- А мне понравилось. Интересно, жуть! Давай ещё послушаем?
- Рассчитывайся и пошли, говорю!

Лиле захотелось поломаться, только Олег вдруг побледнел и опять стал похож на форменное привидение. «Это на нервной почве. Такая особая реакция бестелесных полых существ. Существ! Глупость! Никакое он не существо!»

- Олег... Скажешь правду?
- Скажу...
- Ты расстроился?
- Нет...

Олег, не оборачиваясь, шёл чуть впереди и всё время по привычке пытался отыскать карманы брюк, которых не существовало. «Врёт! Ещё как расстроился...» На Аничковом мосту они остановились, долго смотрели на проплывающие кораблики, и Лиля ничуть не исключала, что Олег не выдержит и выкинет очередной фортель, например оседлает клодтовского коня. Но ему явно было не до шуток, ушёл в себя, издавая уже привычную для Лили вибрацию.

- Интересно, а по воде сможешь ходить?
- Сейчас попробую!

Олег так внезапно исчез, что она не успела его остановить, и, перегнувшись через чугунную ограду, испуганно шарила глазами и не могла определить, где он. Вдруг из-под моста показалась фигура шагающего голого человека. Он совершенно спокойно шёл по поверхности воды и ни корабликам, ни моторным лодкам помехой не являлся, как и они ему, просто иногда она теряла его из виду. Необыкновенное зрелище на фоне разгорающегося красного заката завораживало. «Господи! Как же это красиво! И никому, никому, кроме меня, не дано увидеть это чудо! Значит, оно принадлежит только мне! Моя персональная сказка, для одной-единственной на свете...»

– Ну как? – Олег смотрел на Лилу взглядом победителя, и у него от возбуждения блестели глаза, излучая самый что ни на есть живой человеческий свет.

- Я бы так шёл и шёл до самого Балтийского моря...
- Слишком далеко!
- Вовсе нет! Это ты так ощущаешь расстояние и время.

Я по-другому... Даже начинаю проникаться понятием «бесконечность». Отчётливо понимаю, только не сумею объяснить. Её можно только почувствовать и принять.

Мне грустно, Лилия! Грусть – как радиоволна, которую независимо от собственного желания то ловлю, то теряю. И так весь день... Как на американских горках.

- Ты, наверно, устал?

– Я знаю, что такое усталость, но с момента нашей встречи ещё ни разу не ощутил её. И это у меня отобрали... Что ещё? Как ты думаешь?

- Не знаю... Поживём – увидим...
- Обхохочешься! Поживём?! Ты считаешь, что я живу?!
- Несомненно! Только не спорь, и так настроение испортилось. Всё ты!

– Девушка, смотрите впереди себя, на дорогу, а не по сторонам! Вы чуть не столкнулись со мной лоб в лоб! – прикрикнул проходящий старикашка в старомодных очках в роговой оправе.

– Извините! – вдогонку вредному старику крикнула Лилия и вдруг громко рассмеялась, прикрыв лицо руками. Подобная реакция больше напоминала истерику, отчаянный крик души. Не прошло ещё и суток, а она настолько привыкла к человеку, которого, по сути, уже не существует.

- И куда теперь?
- Хочу на Московский вокзал.

- Что мы там будем делать?
- Провожать поезда на Москву...
- Странная затея! А я стёрла ноги.
- Не можешь идти?
- Пока могу... Но больно!
- Больно? Это очень неприятно, я знаю. Хочешь, вернёмся?
- Куда?
- В Комарово. Провожу тебя до дома...
- А сам?

– К Пашке заявлюсь. Неудобно, конечно... Пашка – заядлый холостяк, но один находиться не может, обязательно кого-то притащит. Главное, всех по-своему любит.

У него баб – тьма-тьмушая. Я по сравнению с ним – ангел божий. Прости, Господи, за такое сравнение!

– Чем ближе Бог, тем крепче вера? – заулыбалась Лиля. – Хорошее выражение, надо запомнить. А почему домой не хочешь или к маме?

– Хочу... Лиль, можно мне у тебя остаться? Ну хоть на одну ночь. Я тихонько. В уголке пристроюсь.

– Ты что, собираешься всю ночь не спать?!

– Я же не устаю. Думаю, сон для меня – пройденный этап. Начинается время тотального бодрствования. Прикольно! Так мы на вокзал или в Комарово?

– В Комарово!

Олег запрыгал от счастья и, как ребёнок, захлопал в ладоши. «Не поверю, что и в прежней жизни он так же выражал свои эмоции. Откуда эта детская непосредственность?»

– Ты и раньше таким был? – не сдержалась Лиля.

– Внутри, наверно, да. Что правда, то правда. Но старался соответствовать положению и возрасту. Наконец-то всё встало на свои места. Ничего не изображаю, не стараюсь казаться. Не потому что прилагаю усилия, это выстраивается само по себе. Ты даже не представляешь, насколько стало легче, словно оковы скинул.

Пожалуй, это главное из всех моих изменений, которое мне реально нравится. Как жаль, что я не был таким раньше. Ладно... Прочь сожаления!

– Так уж и быть, вызовем такси. Только не надо благодарностей.

Олег послушно кивнул головой, но не удержался и начал смешно приплясывать на месте.

– Немного мы сегодня посмотрели! И стоило ради этого ехать в город?!

– Мне необходимо движение и достаточно совсем малого. Я вижу всё объёмней... Целостной картинкой. Это как много-много слайдов в одном. К сожалению, тебе этого не понять.

– К сожалению? Нет уж!

Все его утверждения вызывали протест. В одном Олег был несомненно прав, и с этим она не могла не согласиться: их разделяла пропасть в восприятии реальности, и с этим ничего уже нельзя было поделать. Но как у любого человека, продолжающего свой путь на этой земле, в ней теплилась надежда, что невозможное возможно и он, как Лазарь, воскреснет и вернётся в прежнюю жизнь. Всю дорогу до Комарово Олег непривычно молчал, смотрел в одну точку перед собой, иногда поглядывал в окно и, когда съехали со скоростной дороги, неожиданно переместился на капот машины. В позе лотоса, выпрямив спину и раскинув руки, он словно застыл навечно. Она не могла видеть выражение его лица, но ей представлялось, что у него закрыты глаза и он, едва шевеля губами, нашёптывает молитву или мантру, известную лишь ему одному.

Не успели они войти в дом, как навстречу, обгоняя друг друга, выскочили мать с отцом. «Не привыкли, что гуляю до самого поздна. Сейчас начнутся расспросы...»

– Как день провела? Голодная? – Суетилась вокруг мама Александра, отталкивая папу Руслана.

– Что с вами? С чего такой переполох?

– Волновались! Время-то позднее! Уже собирались искать пропажу, – наконец отцу удалось перебить маму и вставить несколько слов.

Олег с блаженной улыбкой поглядывал на счастливое семейство.

– Меня мама тоже первым делом спрашивает: «Не голодный?» Для них это, наверно, самое важное. А отец всегда: «Как дела?»

– Лилечка, иди руки мой. Я сейчас мигом на стол накрою. Руслан, ну а ты что под ногами мешаешься?

– Может, я тоже есть хочу!

– На ночь глядя?!

– Да, на ночь! – с обидой в голосе сказал папа Руслан и зашаркал войлочными тапочками к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Далеко собрался? Русл-а-а-ан! – крикнула мама, но ответа не дождалась. – Такой обидчивый с возрастом стал, как ребёнок малый. Сейчас уговаривай, не уговаривай – откажется. Ну и ничего, здоровей будет. Покормлю тебя и тоже спать. Почитаю, может, немного перед сном... Такую интересную книгу читаю! Чушь, конечно, но захватывает. Про то, как в одном доме привидение поселилось. Так реально описано. Теперь привидения всюду мерещатся.

Олег прыснул от смеха, вслед за ним Лиля.

– И чего смешного? Вот ты возьми почитай, почитай!

Посмотрю потом, как смеяться будешь! Головой-то понимаю, что всё это выдумки, а всё равно жутко.

– Привидение злое или доброе, мам?

– Конечно, злое! А каким ему ещё быть?! Злое – не то слово!

Лиля с аппетитом уплетала куриный бульон с лапшой и запивала компотом из сухофруктов.

– Ну мама твоя и выдала! Я чуть от смеха не умер, вернее, чуть не воскрес. А как бы здорово было! Хотя как сказать... Я начинаю привыкать, и мне совсем не хочется влезать в рутину обязательств, множить проблемы, потом истерично решать их, нервничать из-за каждого пустяка, очаровываться, чтобы вскоре разочароваться. Опять же дико уставать и лишиться возможности владеть своим воображением. Наверно, я ни о чём не жалею. Может, я себя так утешаю? Но если у меня рождается столько вопросов, значит, я ещё не всё познал и уходить рано.

Как вспомню, что предстоит впереди, сразу холод внутри. Ледяной холод, точно лютая стужа... Ты спать не хочешь?

– Не переживай, я сова. Это мои старики жаворонки. Я, бывает, и ночами работаю, потом дрыхну до полудня.

– Сегодня ты вроде рано встала.

– Да-а-а-а... Могла и проспать тебя.

– Я же говорю: всё как по нотам. И проснулась вовремя, и я тут как тут: «Здрасьте! Не ждали?» Блин, ну как же смешно!

Лиля вымыла тарелку и стакан, положила хлеб в хлебницу, собрала бумажной салфеткой крошки со стола.

– Пошли ко мне в комнату.

– Устала?

– Есть немного. Не смотри ты так, я ещё не скоро засну.

Спальня у Лили самая просторная в доме и с балкончиком. Кровать большая напротив балкона, диванчик с двумя креслами и круглым столиком, консоль с огромным количеством

плюшевых игрушек, торшер, доисторическая тумбочка с книжками, и на полу ковёр с пёстрым восточным рисунком. На окнах ситцевые занавески с рюшами и из такой же ткани стёганое покрывало.

– Милота какая! А игрушки чьи?

– Мои, конечно! Какие с детства, какие подкупаю. Люблю очень. Сплю с ними.

– Со всеми сразу? – удивился Олег.

– Ну что за глупый вопрос! Могу зайца вон того взять, могу медведя... На кого глаз упадёт. Бывает, с этим длинным несуразным хорьком с туловищем, как у таксы. Он выглядит, конечно, не очень, пооблез немного. Так ему и лет почти столько, сколько и мне.

Лиля взяла хорька в руки, прижала к груди и смачно чмокнула в чёрную пуговку на кончике носа.

– А у меня обезьянка была. Коричневая, с жёлтой мордочкой. Затерялась где-то... Всё у матери на чердаке поискать хочу, то есть хотел. Не могли они её выбросить. Я же без неё спать не ложился. Орал, как резаный, если куда запропаستится. Родители ищут, с ума сходят...

Этого я, конечно, не помню, они рассказывали. Представляешь, держал обезьянку за лапку и таскал за собой повсюду. Потом подрос и оставил её в покое, только ещё долго-долго спать с ней ложился. Класа до пятого точно.

– В раннем детстве в нас заложена потребность любить.

Любить то, что всецело принадлежит нам и каждую секунду рядом. Мама ведь не может себе этого позволить, у неё есть свои дела, заботы... Мы взрослеем и перестаём идеализировать свою бесконечную привязанность к неодушевлённой игрушке, которая не может сказать тебе «привет!», пожелать спокойной ночи... Нам уже недостаточно односторонней любви, необходима взаимность. И дети просят родителей подарить им собаку, или кошку, или любую другую живность. Позже ищут спутника по жизни... верного и надёжного...

– А кто не нашёл?

– Продолжает искать и надеяться... Ты любишь свою жену?

– Люблю, – не задумываясь, ответил Олег. – Она мать моих детей.

– Только за это?

– Красивая... Я не задумывался. Встречались недолго, стали жить вместе, потом случился сын, поженились.

Через несколько лет дочка. Всё как у всех.

– Ты говорил ей: «Я тебя люблю»?

– Говорил. Она спрашивала, я отвечал: «Люблю». Какие-то странные вопросы задаёшь! Это семья, семейные отношения... Твой отец часто матери ни с того ни с сего:

«Я люблю тебя»?

– Не знаю, не слышала. Но и Луизы у него никогда не было.

– Может, и была, – засмеялся Олег. – Не знаю ни одного мужика, у кого пробел по этой части. Лиль, ты ложись, а я в кресле посижу и поболтаем, пока не заснёшь.

Болтали они до пяти утра, уже рассвело вовсю, и в окне показались первые лучи солнца. Когда во втором часу дня она проснулась, Олега в комнате не было. «Опять путешествует... И где его носит?»

Внизу было тихо. По всей видимости, родители ушли пешком в магазин, намытая машина отца стояла на своём законном месте.

– Тук. Тук-тук. Тук, – поприветствовал Лилю красавчик дятел. Прищурив глаза и прикрываясь рукой от солнца, Лиля задрала голову и долго наблюдала за ним. Потом сделала несколько кружочков вокруг дома, по пути срывая грозди чёрной и красной смороды, и решила, что грех сидеть дома, надо оседлать велик и сгонять на Щучку. Мама с отцом каждый день ездят, говорят, вода – парное молоко, правда, народу тьма, но если проехать чуть дальше вдоль озера, можно найти вполне уединённое место. Не раздумывая, она побежала в

дом, собралась, на кухне залезла в холодильник, нашла там контейнер с сырниками, сделала кофе, не присаживаясь за стол, быстро позавтракала, нацепила на плечи рюкзак и направилась в сарай за великом. Не глядя в сторону дома матери Олега, промчалась мимо. Одна улочка сменялась другой, пока она не выехала на финишную прямую, которая вела к Щучьему озеру. «Я словно бегу от кого-то... От себя или от него?» Образ Олега неустанно стоял перед глазами, она забывалась, теряла ориентацию и пару раз чуть не съехала с заасфальтированной дороги в овраг. Долго объезжала озеро, пока не увидела то, что искала, – маленький укромный уголок, спрятанный за кустарником и березняком. Расстелила полотенце, скинула треники с футболкой, кроссы и направилась к воде, тёмной от присутствия торфа. Она осторожно ступала по илистому дну, стараясь обойти все коряги и камни, и, преодолев все трудности, услышала знакомый голос.

– Я с тобой! Вода тёплая?

«Олег?!» – Лиля обернулась и, не задумываясь, с головой плюхнулась в озеро. Теперь её терзала только одна мысль: как она, такая жирная, станет выходить на берег и идти к спасительной футболке XL? Олег плыл на небольшом расстоянии, иногда нырял на глубину, но его тело и волосы оставались абсолютно сухими, и ни одного всплеска рядом с ним.

– Пахнет тиной?

– Нет!

– А я решил, что пахнет, и врубил воображение на полную. Понятно! Отключаем. Пожалуйста, пойду на травке поваляюсь. Долго ещё плавать будешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.